

ЦЕНЗУРА УМЕРЛА?

Да здравствует цензура!

Виктор Матизен

Сатисфакция

НЕ УСПЕЛ Андрей Шемякин закончить свою статью «Памяти советской цензуры» («НГ» от 27.11.93), как известный документалист Виталий Манский сообщил, что его новый фильм «Срезки очередной войны» закрыт на киностудии «Центрнаучфильм» по цензурным соображениям, причем руку к запрету приложил руководитель Третьего объединения, в котором делались «Срезки...», Борис Головня, тоже известный документалист, в недалеком прошлом — один из секретарей «революционного» секретариата СК, немало сил положившего на добивание редакторско-цензурского механизма старого Госкино.

Известие это показалось мне настолько диким, что я при встрече спросил г-на Головню, правда ли, что он уложил на полку фильм Манского. Последовал взрыв возмущения: да знаю ли я, что в этом фильме?! Порнография! И Борис Владимирович в нескольких выражениях, которые я не могу здесь воспроизвести, описал мне кадр, взятый режиссером из старого архивного фильма и ставший причиной репрессий.

«Но позвольте, — сказал я, все еще уверенный, что имею дело с культурным человеком, — какое изображение не может считаться недопустимым вне контекста, в котором находится!»

Ответ был гениален: «А никакого контекста нет, потому что фильма нет! А есть только материал. И в этом материале — порнография!»

«А с какой стати вы берете на себя чужую роль? Если Манский сделал нечто запрещенное, пусть отвечает по суду.»

«Мы дали деньги на фильм, мы и требуем, чтобы на них было снято то, что нас устраивает!»

«А что, государство — это вы?» — спросил я.

«А кто же, если не мы?!»

Обмениваться репликами в таком стиле было бессмысленно. Я пожал плечами и отошел, решив вынести разговор в печать.

Фильм Манского я видел. Военная тема — вернее, состояние человека на войне, — интересует этого режиссера давно, и нынешняя его картина, целиком построенная на архивных материалах, о том же.

Война, с точки зрения режиссера, — это множество мужчин, постепенно опускающихся до животного состояния, когда действуют только «базовые инстинкты»: жажда жизни, жажда смерти, жажда женщины. При этом жизнь и смерть присутствуют в реальности, а женщина — в воображении. Поэтому кинофрагменты военной жизни времен первой и второй мировой войн перемежаются с кадрами из эротических лент того же времени. Скандализовавший центрнаучфильмовское объединение кадр fellatio — лишь один из этих кадров, возможно, наиболее откровенный.

Формально он подпадает под техническое определение «порно» как демонстрации гениталий в «рабочем» состоянии. Содержательно же порнографическим можно считать лишь такое изображение, целью которого является провоцирование сексуального возбуждения. В контексте

фильма Манского ни один из кадров, каковы бы ни были они сами по себе, под эту дефиницию не подходит, поскольку цель картины совсем другая. Скорее уж — спровоцировать социальное возбуждение, направленное на неприятие войны как социального регресса.

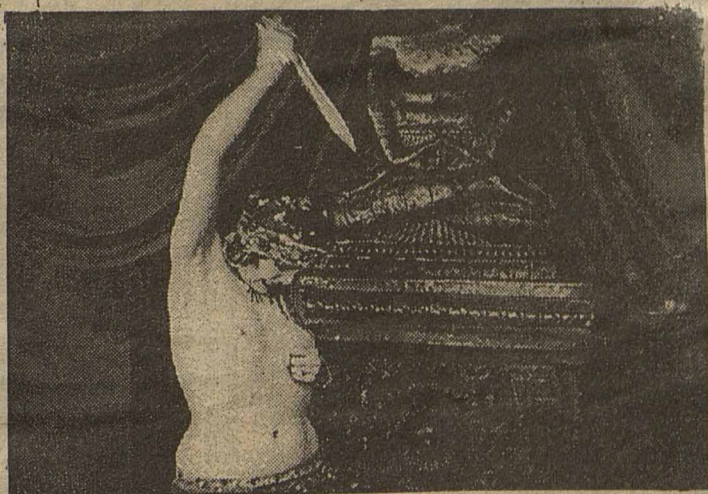
Боюсь, что именно в этом фундаментальном отношении к войне Борис Головня, создатель документальных фильмов о советских полководцах и победоносной Великой Отечественной, разошелся с Манским, но, как водится в совке, прижал коллегу за другое — за то, за что удобнее схватить. Но это лишь предположение.

Я не спорю с тем, что откровенные кадры как их ни окружай, могут довести какого-нибудь старого ханжу до кондратия, а недержанного юнца — до нервного подъема. Но, с другой стороны, и морковку можно снять так, что обвинят в порнографии. Это не повод закрывать фильм, вовсе не предназначенный к прокату в домах для престарелых большевиков или детских садах. В конце концов, поставьте гриф «До

нению».

Так вот, права такого нет и не должно быть ни у объединений, ни у студий, ни у самого Госкино. Государство — это не они, а мы, и это наши деньги, деньги налогоплательщиков, идут на финансирование бюджетных постановок. И если я еще готов передоверить экспертам право выбирать, какому проекту дать, а какому не дать жизнь, то уж право карать фильм гражданской смертью на полке я могу доверить только суду, и только при наличии действительно смертных грехов, к которым возбуждение сладострастных чувств ни при какой погоде не относится.

В странах с развитым законодательством продюсер, вкладывающий в фильм свои деньги или деньги, которые он обязан вернуть, случается, имеет право потребовать переделок в картине и получить устраивающий его вариант, хотя и это не такое простое дело. Но даже в таком случае режиссер может оставить за собой авторскую копию картины и демонстрировать ее оговоренным контракте способом.

Кадр из фильма В. Манского «Срезки очередной войны».

16 и после 160 не рекомендуется», и дело в шляпе.

Забавно в этой связи вспомнить, как на прошлогоднем Туринском молодежном кинофестивале в битком набитом студенческими и школьниками восьмисотоместном зале показывали скандально знаменитый фильм Жерара Дамиано «Глубокая глотка». Этой картиной Дамиано окончательно решил проблему порнографии, доказав, что никакой материал не является порнографическим, если порнографическим не является авторское отношение к нему. И смеховая реакция итальянской аудитории лишний раз подтвердила это. Грустно лишь сознавать, что кинолюбители в Италии просвещенней и культурней членов худсовета на «Центрнаучфильме»...

Но это так, лирические заметки. Дело ведь не в конкретном поводе к запрету картины, а в том, что, как выясняется, право на запрет, отнятое у Госкино и, казалось бы, уничтоженное, всего лишь спустилось на уровень студии. Раньше «положное» решение принималось на уровне ЦК, на худой конец коллегии Госкино, теперь — на уровне даже не студийного худсовета, а худсовета ПТО!

Между прочим, пример подобного произвола был подан еще на заре перестройки Роланом Быковым, который закрыл в своем объединении фильм Исаака Фридберга «Куколка» за то, что ученик в оном переспал с учительницей. К счастью, Фридберг доснял картину в другом объеди-

«Центрнаучфильм» — бюджетная организация, которой пора усвоить, что никаких прав у нее нет, а есть обязанность обслуживать режиссеров, под чьи имена (именно под имена!) и проекты выделяются государственные деньги — даже тогда, когда ее худсоветы сами производят отбор. Иначе мы так и не уйдем от тоталитаризма, который, по самому общему определению, и означает власть коллектива над индивидом и власть советов над людьми.

Р. С. Когда статья уже была сдана в редакцию, появились дополнительные сведения об этом деле. Во-первых, дали свое заключение специалисты Ирина Рубанова и Андрей Плахов, в свое время возглавлявший конфликтную комиссию Союза кинематографистов, снявшую с полки положенные туда Госкино и ЦК КПСС фильмы. Они подтвердили существование единой авторской концепции, включающей в себя спорные художественные кадры, а также право Манского иметь авторскую копию ленты. Во-вторых, Дом кино, убоявшись угроз «Центрнаучфильма» подать в суд, отменил премьеру фильма. В-третьих, директор студии г-н Коваленский, не видевший картины, но прослышавший о том, что у нее нашлись заступники, заявил режиссеру: «Можете передать этим своим писакам, что я теперь из принципа фильм не выпущу!» Грех не передать этого и нашим читателям — чтобы знали, каковы нынче отечественные держиморды.